

ЖАН МАРЭ написал книгу о своей жизни под названием «Мои четыре правды». Не потому, что у него их четыре. Правда в жизни одна. Просто это идиоматический оборот. Так же, как по-русски говорят: «На все четыре стороны», чтобы подчеркнуть, что речь идет обо всех возможных направлениях, француз скажет: «Мои четыре правды», если решил говорить, «как на духу», всю правду, без утайки. Так вот, если говорить о Жане Марэ именно так, всю правду, так начать, пожалуй, нужно с того, о чем он не пишет в своей книге.

— Вся жизнь я изо всех сил старался догнать свою славу, — признался мне Жан Марэ во время нашей встречи у него дома на парижской улице Берлиоз.

Я не случайно подчеркиваю в словах артиста слово «свою», ибо это была не та гонка, в которой иные актеры любой ценой пытаются пробиться к славе. У Жана Марэ слава была, его слава. Она пришла к нему сама, но он-то сам все время чувствовал, что слава обгоняет его талант и заслуги, страдал от этого и старался трудом, упорством, самоотверженностью сравняться с ней, чтобы быть достойным своей славы. И это — главная, мне кажется, правда Жана Марэ.

— Не считите это кокетством, — сказал Жан Марэ, — но мне, поверьте, тяжело нести бремя славы. Я страдаю от счастья, которое выпало мне в жизни, ибо уверен, что есть многие, более достойные успеха. И потому чувствую себя обязанным оплачивать свой долг перед людьми искусством.

Я всегда старался избегать ролей стопроцентных «героев-любовников». Играл и играю героя понятного, близкого простому человеку с улицы. Именно этому герою по праву принадлежит та слава, которая по счастливой для меня случайности выпала на мою долю.

Слава была милостива к Марэ до курьезов. Когда я спросил, за что он награжден крестом «За военные заслуги», актер рассмеялся:

— За то, что я люблю варенье. Вы улыбаетесь? А вышло вот как. В конце войны, после освобождения Парижа, я вступил в войска союзников. Служил шофером. Однажды на нашу автоколонну налетели фашистские самолеты. Все шоферы бросились в канавы, а же быстро вскрыл банку варенья, которую нашел в разрушенном доме и... В тот день на улице было холодно, и я не глушил мотор.

Наутро меня представили к награде. Оказалось, что военный шофер в подобных обстоятельствах должен был вести себя именно так — не выключать мотор, чтобы быть готовым к немедленному старту. А то, что я при этом оставался в кабине, было расценено как необычайная смелость.

У Жана Марэ есть и другие, вполне заслуженные им награды, в том числе орден «Почетного легиона», который он получил за вклад в развитие театрального и киноискусства. Недавно я был у него в гостях в тот день, когда по просьбе совета Парижа, представлявшего артиста к очередной награде, Марэ составлял свой послужной список. Подсчитывал, в скольких фильмах снялся за 30 лет. Вышло — 67, если считать за один шестисерийный телевизионный фильм «Карате».

Во время съемок этого фильма в холле парижского отеля «Хилтон» я сделал вот эту фотографию. Оказалось, что там, в толчее стемной площадки, в коротких перерывах между дублями беседовать с Марэ намного интересней, чем в мягких креслах гостиной у него дома, на улице Берлиоз. Дома это был человек чуть медлительный, несколько усталый. На съемках Марэ — сильный и энергичный, порывистый и молодой.

Вместе с Марэ мы листали подшивки газетных и журнальных вырезок, перебирали старые фотографии, и перед глазами вставал прошедший сквозь десятки фильмолет кинообраз «рыцаря без страха и упрека». Есть актеры, которые в разных фильмах разные. Другие создают или играют предложенный стандартный «типаж». У плохих актеров этот типаж превращается в штамп, у хороших — в амплуа. Я замечал, что амплуа больших актеров неизменно выражает их собственный характер, натуру. Жан Габен, например, и в жизни такой же, как на экране, — вздорный, но, в общем-то, добрый «бука». Марэ и в жизни — борец за справедливость. С кем бы из французских актеров ни говорил я в Париже, все они в один голос говорят, что Марэ — это сильный человек, который никогда ни о ком не сказал и никому не сделал

ничего плохого. И на экране Марэ — это герой сильный и мужественный, простой и добрый. Шпага в его руках служит людям, добру, карает зло. Кого бы он ни играл, императора или мушкетера, военачальника или журналиста.

Марэ рассказывал мне, что играет с пяти лет. С того времени, как впервые побывал с матерью в «синема» на фильме «Тайны Нью-Йорка». В 16 лет решил начать самостоятельную жизнь. Поскольку ангажмента ему никто не предлагал, временно поступил работать — с раннего детства он хорошо рисовал — ретушером в фотоателье. Поиски ангажмента затянулись. Марэ работал лаборантом и декоратором квартир, фотографом и подносчиком ключей игрокам в гольф. Проходили месяцы, годы, а дальше самостоятельности дело у Марэ не шло. Однажды в надежде заработать он показал на выставке «независимых» художников — там могли выставляться все — две свои картины. Они-то неожиданно и помогли Жану сделать первый шаг в кино.

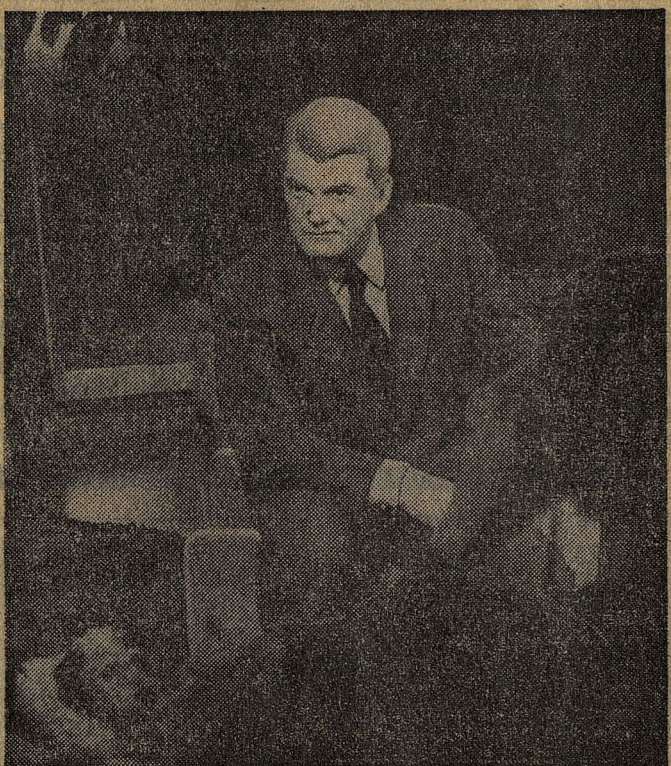
заплатил. Тот фильм, кстати, назывался «Западня».

— Избегав той, первой «западни», — сказал мне Марэ, — я по сей день никогда не снимался «ради денег». Я играл и играю лишь те роли, которые нравятся мне самому. К сожалению, в нашем кино происходит постоянная, неравная для начинающих кинорежиссеров и актеров битва с кинобизнесменами. Те, кто платит, мечтают лишь о классовом успехе. В лучших случаях они толкают художников на повторение прошлых удачных вариантов, что в конце концов превращается в надоевший штамп. В худшем — требуют, чтобы для привлечения публики с экрана проповедовались насилие и секс ради насилия и секса, а вернее, и то и другое — ради денег. Я всегда боролся и буду бороться против этого.

Сколько лет Марэ? Это не секрет. В любом справочнике написано: рожден в декабре 1913 года. И все же это не праздный вопрос. Случай с Жаном Марэ лишний раз подтверждает известную истину, что человеку столько лет, «на сколько» себя он чув-

ЖАН МАРЭ

ВСТРЕЧА
ДЛЯ ВАС

В театрах и киностудиях ему все время отвечали одно и то же: «Оставьте свою фотографию и ждите. Если понадобится — вызовем». Устав ждать вызова, Жан решил действовать решительно. Пробылся к Марсело Лерберу, известнейшему тогда актеру и режиссеру, основателю института кинематографии.

— Нужны деньги? — едва взглянув на него, спросил метр.

— Да, — так же прямо ответил Жан.

— Что делаете?

— Рисую.

— Выставляетесь?

— У «независимых».

— Пойдемте посмотрим...

На выставке Лербер едва взглянул на картины:

— Продаются?

Со страху Жан заломил очень высокую цену. Лербер предложил половину. Наличными заплатил десятую часть. Картины, как потом оказалось, были брошены в чулан, но Жан получил желанную пробу в кино, которая так и осталась пробой. Но зато, увидев себя на экране, Жан пришел в ужас — понял, что ему надо серьезно учиться.

Он учился в студии театра «Ателье». Его любимым педагогом был русский актер Соколов, познакомивший молодого артиста с системой Станиславского. Платить за учебу Жану было нечем, и он отработывал уроки, выполняя работу декоратора, костюмера, художника. Постепенно стал выходить на сцену в толпе статистов. Затем выступил в бессловесной роли сонца в спектакле «Юлий Цезарь».

Так бы Марэ и прозябал на выходах, если бы не случай. Не вернулся к спектаклю со съемок актер, у которого Жан был дублером. И вот первая роль — царя Эдипа. Молодого актера заметил известный поэт и драматург Жан Кокто, предложивший ему сыграть в своей пьесе «Рыцари круглого стола». Затем Кокто написал пьесу уже специально для Марэ — опять успех. В том же 1939 году Марэ впервые получил приглашение на большую роль в кино. Обрадованный, он сразу подписал контракт, но, прочитав сценарий, понял, что играть эту роль не сможет. «Контракт подписан, — холодно ответил продюсер, — или играйте, или платите неустойку». Марэ занял у друзей деньги и

стает. Сейчас в театре на репетициях, где он выступает и как режиссер, на сцену и со сцены он не спускается по боковой лесенке, а прыгает вверх и вниз. В 1953 году на традиционном ежегодном Галла-концерте Союза французских артистов он на почти 20-метровой высоте под куполом цирка, без страховочной сетки, на качающемся шесте проделал упражнение, которому позавидовали бы многие профессиональные цирковые гимнасты. «Спасибо, Жанно, — сказал в тот вечер ведущий. — Ты доказал нам, что жить можно только начинать в 40 лет».

Жан Марэ играл и играет по сей день «рыцаря плаща и шпаги» со всеми замысловатыми трюками этого амплуа, которые он (хоть многие и не верят) всегда делает сам. Никогда, в самых опасных ситуациях, артист не прибегает к помощи специально тренированных дублеров.

— Меня замучили вопросы, — сказал я Жану, — о вашем самочувствии после газетных сообщений о ранении во время съемок.

— Ерунда, — ответил он. — Как видите, жив и здоров. В детстве я боялся темноты и, чтобы побороть в себе этот недостаток — нужно не нужно, — ходил в погреб. Вот уже много лет мой гороскоп предсказывает мне беду от воды и огня. Но я нарочно испытываю судьбу и водой, и огнем. Пока что ничего не случилось. Сломал, правда, себе запястье несколько лет назад. А кроме этого — ничего, не считая легких царапин.

Я спросил его о режиме тренировок. Марэ сказал, что никогда не занимался и не занимается спортом. «Мой спорт — кино». В свободное время он продолжает писать картины...

Я знаю, что кинозвезды не любят смотреть при зрителях старые свои картины. Когда вспыхивает свет, возникает чувство неловкости от неизбежного сравнения двух образов человека — в жизни и на экране. С Марэ этого не происходит. Он и сейчас в жизни тот же, что и в кино.

Мне кажется, что и внешне нынешний Марэ даже красивее того киномальчика 30—40-х годов. Красив красотою прожитых лет, которую он сам ценит в людях.

Б. ГУРНОВ.
(Наш соб. корр.)

Париж.